

Рельеф города Цуйцю был относительно высоким. Даже если река Бай выходила из берегов, большая часть плодородных земель оставалась нетронутой. Этот город можно было считать одним из самых безопасных во всем речном бассейне, но именно эта безопасность принесла Хуа Пинье и местным жителям множество новых проблем.

Карета уже несколько дней двигалась по дороге, и с каждым днем беженцев становилось все больше. Они сидели на обочинах, прижимая к себе семьи, и, завидев богатый экипаж, громко выкрикивали просьбы о еде. Дорога была забита, и караван замедлил ход. А-Нин приспустил занавеску окна.

— Молодой господин, может, дадим им что-нибудь поесть? — спросил А-Нин.

Лю Сяньань покачал головой.

— Нельзя

— Почему? — не понял А-Нин.

— Снаружи слишком много людей. Если дашь одному — придут десять. Если накормишь десять — соберутся сотни, если не тысячи — объяснил Лю Сяньань.

А-Нин снова выглянул в щель между занавесками. Среди толпы он заметил нескольких детей, которые едва держались на ногах от голода. Он не сдавался:

— Молодой господин, может, я тайком передам той женщине немного еды? Так, чтобы никто не заметил — предложил он.

Лю Сяньань вздохнул:

— Попробуй..А-Нин взял большой кусок лепешки с подноса, завернул его в платок и спрятал в складках одежды, после чего ловко выпрыгнул из кареты. Когда его взгляд встретился с взглядом женщины, он смущенно улыбнулся и сделал шаг в ее сторону. Но женщина резко вскочила на ноги и, волоча за собой исхудалые ноги, заковыляла к нему.

Другие беженцы тоже заметили А-Нина. Голодные люди, увидев этого румяного и здорового паренька, бросились к нему, словно стая волков на свежее мясо.

— Молодой господин, дайте поесть! — кричали они.

Некоторые падали на землю, но никто не помогал им подняться. Люди топтали свежие трупы и продолжали рваться вперед, не обращая внимания на грязь, кровь и растерзанную плоть под ногами. Они походили на изорванные марионетки — онемевшие, бездушные. А-Нин остолбенел

от ужаса.

Когда семь или восемь грязных рук уже тянулись, чтобы втянуть его в толпу, один из охранников стремительно подхватил его и отбросил его назад к карете. Вытащив меч из ножен, он резко обернулся и прошипел:

— Назад!

Холодный блеск клинка заставил беженцев остановиться. На мгновение воцарилась нерешительность. Воспользовавшись заминкой, кучер размахнулся кнутом, и карета рванула вперед.

Снаружи продолжали раздаваться крики, мольбы, отчаянные рыдания и жуткие проклятия. А-Нин сидел, прижимая к груди раздавленную лепешку, и молчал. Он привык слушать, как Второй Молодой Господин рассуждает о дао и пустоте небес, но впервые столкнулся с голой человеческой природой. Только что как минимум троих сбили с ног и затоптали. Скорее всего, они уже мертвы... Нет, точно мертвы. И все из-за его собственной опрометчивости и наивности.

— Не плачь — сказал Лю Сяньань.

А-Нин продолжал сидеть, опустив голову.

Лю Сяньань обнял его, похлопал по спине и утешил:

— Врачи могут лечить людей, но не могут исцелить мир, так что не кори себя слишком строго — сказал он.

— А кто тогда может исцелить мир? — спросил А-Нин, гнусавя от сдерживаемых слез.

Кто может исцелить мир? Лю Сяньань не ответил. Вместо этого он повернулся к окну кареты и взглянул сквозь полупрозрачную занавеску на высокую фигуру всадника с мечом у пояса.

***

Массивные ворота города Цуйцю были наглухо закрыты. На них висел большой указ, в котором говорилось, что город уже принял огромное количество пострадавших, и места больше нет. Но, несмотря на это, у ворот все еще толпились беженцы. Увидев, как стражники открывают ворота для кареты, они снова ринулись вперед.

Лю Сяньань прикрыл А-Нину уши, защищая его от криков и проклятий. Подобные звуки раздавались повсюду. Хотя А-Нин и был врачом, он все еще был слишком молод. Он не мог

оправиться после того, что увидел, и молчал.

Солдаты проводили карету в город, и, как только высокие ворота захлопнулись, два совершенно разных мира разделились.

Снаружи был ад — царство голода и отчаяния. Внутри город сохранял видимость порядка.

— Ваше Высочество, помимо продовольствия, распределяемого среди горожан, у Цуйцю действительно не осталось ни единого зернышка. — доложил Хуа Пинъе — Трупов за воротами становятся все больше с каждым днем. Это просто... — его голос дрогнул.

В таких условиях Хуан Вансяну даже не нужны были колдовство или гу. Достаточно было пообещать людям еду, и тысячи готовы были пойти за ним.

— Эти люди сначала украли зерно, выделенное императорским двором, а затем разграбили два-три городка — продолжал Хуа Пинъе. — Когда они видят чиновника, то убивают его и вешают голову у входа на гору Гаолян в назидание. Ходят слухи, что Хуан Вансян говорил: "Принеси голову собаки-чиновника — получишь две корзины зерна".

Если они крадут зерно, предназначенное для голодающих, те умирают. Если они грабят городки, что остается местным жителям? В смутные времена у людей нет способа выжить. Сначала они становятся жертвами, потом жертвы превращаются в преступников, а те, в свою очередь, создают новых жертв. Круг замыкается. Все становится хуже, пока династия не рухнет.

Лю Сяньань видел слишком много подобного в долгой реке истории.

Хуа Пинъе подготовил для всех гостевые комнаты. Лян Шу проводив Лю Сяньаня до его покоев, спросил:

— Гао Линь говорил, ты хотел купить лекарства от обычных летних болезней? — поинтересовался он.

— Это предложение А-Нина. Беженцы, жара — идеальные условия для эпидемии — ответил Лю Сяньань. — А еще тела за городом... лучше бы их похоронить и посыпать известью.

— Не беспокойся. Хуа Пинъе каждый день отправляет солдат в доспехах убирать трупы — сказал Лян Шу.

Зачем доспехи? Во-первых, для устрашения. Во-вторых, чтобы не затоптали. А в-третьих... О более кровавой и жестокой реальности Лян Шу не стал ему рассказывать. Для некоторых голодных людей свежие трупы — тоже еда. И чтобы отобрать эту "еду" у солдат, они бросаются на них, как дикие звери.

Губы Лян Шу были потрескавшимися. Лю Сяньань поднял крышку чайника со стола и увидел, что в нем плавают какие-то ветки и листья. Настой был темным и, скорее всего, горьким. Он достал из шкафа фарфоровый флакон, насыпал порошка в чашку с теплой водой и подал:

— Ваше Высочество, пейте — сказал он.

Лян Шу взглянул на розоватую жидкость.

— Вы, врачи, так открыто травите людей? — поинтересовался он.

— Это порошок из сушеных диких слив — улыбнулся Лю Сяньань. — Я добавил сладкие сливы для аппетита и немного серебряных пилюль для бодрости. Вряд ли это кого-то отравит.

Лян Шу выпил. На вкус было кисло-сладко, а легкая прохлада разлилась от кончика языка до макушки, освежая и бодря.

— Осталось еще много. Хотите оставить себе? — предложил Лю Сяньань, протягивая флакон.

— Мне ... не нужно — покачал он головой.

Для члена императорской семьи, сына знатного рода, самому наливать себе воду было непривычно.

Поэтому, если он хотел пить, врач должен был приготовить напиток сам.

Лю Сяньань убрал флакон обратно в шкаф.

Лян Шу сидел на кушетке и наблюдал, как тот хлопочет. Только в эти мгновения тяжелый груз на душе немного ослабевал. Хотя он давно привык к жизни и смерти, это было совсем другое. Сотни, тысячи, десятки тысяч солдат, погибших на поле боя, отдавали жизни за сотни тысяч, миллионы простых людей. Даже если их кости остались под желтым песком, это была достойная смерть. Но что можно сказать о смертях людей в бассейне реки Бай сейчас?

Их гибель не несла ни капли славы — только бесконечное унижение, отчаяние и кровавые, полные слез обвинения в адрес правителя.

Перед лицом целой эпохи сила одного человека или даже группы людей была ничтожна. Лян Шу закрыл глаза, пытаясь очистить разум, как вдруг у виска появилось легкое прохладное прикосновение.

Лю Сяньань наклонился над ним с коробочкой мази в руке и маленьким нефритовым

стержнем, аккуратно массируя виски.

— Вы обычно не предупреждаете пациентов перед лечением? — спросил Лян Шу.

— Мой отец поступал так же — ответил Лю Сяньань. — Одно время у меня были проблемы с селезенкой и желудком, и мне приходилось проходить курс лечения. Я часто засыпал, а меня будили иглы.

Он придвинул стул и сел.

— Только дворцовые лекари соблюдают множество правил. Мы... — начал он, но прервался, увидев, что Лян Шу шевельнулся. — Не двигайтесь! — попросил он.

Лян Шу глубоко вздохнул.

— Почему я не могу двигаться? Разве ты сам не видишь, насколько велика эта игла в твоей руке? — улыбаясь спросил он.

— Она не толстая. Самые толстые иглы у моего отца, и он никогда никому не позволяет к ним прикасаться, — ответил Лю Сяньань. — Эта довольно тонкая. Я же сказал не двигаться, а то криво войдет.

Его Высочество Сяо Ван застыл на стуле, пытаясь понять, как отправить этого человека обратно в его комнату, но вместо этого без всякой причины получил иглу в голову. От чашки сладкого лекарства до охлаждающей мази, а затем до этой ужасающе толстой демонической штуки — все это было похоже хитрый план захвата территорий. Он еще и отвлекал его разговорами. В военном искусстве это называлось «притворяться одним, чтобы сделать другое», «ослабить поводья, чтобы крепче схватить», «ловить рыбу в мутной воде», «прятаться за маской простака».

— Ты сделал это нарочно, — заявил он.

— Нет.

— Гао Лин тебе рассказал, — продолжил Лян Шу.

— нет, что вы. - Продолжил отрицать Лю Сяньань.

— Он хочет смерти... — пробормотал Лян Шу.

— Ладно, сиди спокойно. - С напряженным выражением лица попросил Лю Сяньань.

Действительно, Гао Лин приходил к Лю Сяньаню, говоря, что у князя в последнее время болит голова и он плохо спит. Но при этом также предложил, что лучше не использовать иглоукалывание или горькие лекарства, да и вообще любое лечение, связанное с необходимостью лежать. У Его Высочества Сяо Вана столько недостатков, и задев его «обратную чешую», можно вызвать гнев. Многие придворные врачи уже пострадали из-за этого.

Не принимать горькие лекарства — можно, не лежать какое-то время — тоже можно, но иглоукалывание все же было необходимо. Второй молодой господин Лю одной рукой придерживал Лян Шу за плечо, а другой медленно вводил иглу, думая: «Это же не сложно, я просто действовал шаг за шагом, застав его врасплох. Неужели ни один врач в Императорской больнице не мог этого сделать?»

— Больно, — сказал Лян Шу.

— Это нормально, — ответил Лю Сяньань.

— Боль — это нормально?

— Разве несколько игл могут сильно ранить? Ладно, не двигайся. Я попрошу А-Нина приготовить лекарство.

Как только Лян Шу услышал слово «приготовить», его голова снова заболела:

— Почему мне все еще нужно принимать лекарства?

— Потому что, нужно принимать лекарства, когда болеешь, — сказал Лю Сяньань, убирая упаковку с иглами. — Но Ваше Высочество может не волноваться, лекарство не слишком горькое.

— Ты думаешь, что этот господин боится горечи? — недовольно спросил Лян Шу.

Лю Сяньань подумал про себя: «А разве не так? Генерал-лейтенант Гао трижды подчеркивал это мне». Однако он все же сохранил лицо князя:

— Вовсе нет.

Его Высочество Сяо Ван с достоинством издал звук «Энь», выражая согласие.

Лю Сяньань посмотрел на него некоторое время, а затем торжественно поджал губы:

— Раз Ваше Высочество не боится горечи, тогда я добавлю еще несколько трав в предыдущий рецепт, чтобы успокаивающий эффект был сильнее.

Говоря это, он растер чернила, взял кисть и новый лист бумаги, чтобы записать рецепт. Там было полфунта золотой нити, от чего виски Лян Шу задрожали. Эта дозировка — для отвара или для ванны? Он пристально посмотрел в его глаза, пытаясь найти в них намек на шутку, но там ничего не было. Не только выражение лица Лю Сяньаня было предельно серьезным, но и его почерк — тонким и элегантным. Аккуратно расположенные вместе, эти иероглифы выглядели особенно авторитетно и надежно. Даже если бы среди них оказались два цзиня свиных ног, пациент, вероятно, подумал бы, что так и должно быть.

Итак, Его Высочество Сяо Ван был одурачен. Конечно, отчасти потому, что он знал: Лю Сяньаню с тех пор, как он научился читать, было сорок восемь тысяч лет, он был молод и зрел одновременно и видел в каждом муравья. Он никогда не утруждал себя шутками со смертными и не имел причин выделять его одного.

Лю Сяньань закончил писать рецепт, положил его в рукав и удалился, словно бессмертный.

Лян Шу, оставшийся со своим драгоценным лицом, выдохнул и облокотился на стол, думая: «Лекарство можно приготовить, но это не значит, что я обязан его пить».

В конце концов А-Нин не выдержал. После ужина, когда все собрались в кабинете для обсуждения дел, слуги принесли коробку с едой, в которой находилось лекарство, и твердо постучали в дверь.

Лян Шу: «.....»

Чаша для лекарства была настолько большой, что в ней можно было бы есть лапшу, и когда ее открыли, зрелище было поразительным. Хуа Пинье был шокирован. Он много лет провел в военном лагере и помнил, что даже если князь был серьезно ранен, он лишь нехотя пригубивал лекарство, боясь, что лишний глоток заставит его страдать. Теперь же перед ним была огромная чаша, полная до краев, и он подумал, что тот, должно быть, серьезно болен, и поспешил проявить заботу. — Пусть пока никто не говорит, дайте князю выпить лекарство, пока оно горячее. — попросил он собравшихся своим грубым голосом.

Чаша была наполнена коричнево-черной субстанцией, и мозг Лян Шу сжался при виде этого. Видя, что все в комнате уставились на него, он не имел выбора, кроме как взять чашу.

Пытаясь сохранить выражение лица неизменным, он задержал дыхание залпом выпил отвар, но он не был горьким. В крайнем случае — терпким, с легким кисло-сладким привкусом.

Он посмотрел на дверь.

Лю Сяньань сложил руки и не мог скрыть улыбку в глазах.

Не горькое. Я дразнил тебя.

В кабинете было душно. Хотя окна были открыты, было не очень прохладно, а свет свечей колебался от ветра. Комната была полна людей, обсуждающих несколько очень неприятных вещей, и атмосфера была действительно не из лучших. Лян Шу изначально был в раздраженном настроении, но теперь, благодаря этой чаше лекарства и улыбке, стал гораздо спокойнее.

Гао Лин толкнул А-Нина локтем. Что это за волшебное лекарство, которое делает князя счастливым, принеси и мне чашку завтра.

— Молодой господин добавил много солодки, — прошептал А-Нин. — Генерал-лейтенант Гао хочет выпить, но боюсь, не сможет. Молодой господин сказал, что лекарство нелегко достать, и его нужно беречь, поэтому всю солодку и боярышник в будущем будут оставлять для князя.

Они все еще перешептывались, когда Хуа Пинье снова развернул карту. Гора Гаолян была очень высокой и опасной вершиной с протяженными ущельями, легко защищаемой, но трудной для атаки.

— Сколько сейчас повстанцев? - спросил Лян Шу.

— По грубым подсчетам, не менее 50 000, но точной цифры нет, — ответил Хуа Пинье. — Теперь, когда репутация Хуан Вансяна выросла, многие люди используют его знамя для вербовки солдат тут и там. Людям действительно трудно отличить истинное от ложного.

— Будь то истинное или ложное, все они повстанцы, — сказал Лян Шу, глядя на Лю Сяньаня. — Что ты думаешь?

— Может ли наша армия притвориться беженцами, смешаться с повстанцами и прорваться изнутри?

— Притвориться несложно, но проникнуть туда нелегко, — объяснил Хуа Пинье. — Говорят, что обычных беженцев сначала направляют к подчиненным низшего ранга, и они должны следовать за ними, чтобы добывать еду и деньги или убить нескольких чиновников, чтобы получить право увидеть Хуан Вансяна. И сейчас его нет на горе Гаолян.

— Где сейчас основные силы повстанческой армии?

Как только был задан этот вопрос, кто-то принес новое военное сообщение, в котором среди жалоб и бессмыслицы был один полезный абзац. В нем говорилось, что Хуан Вансян повел повстанцев на прорыв трех городов подряд и взшел на трон в городе Сяньшуй.

Лицо Гао Лина побледнело при виде этого, и не без причины — настолько низок был уровень дислоцированных там войск. Даже если бы они выставили несколько кольев и стояли на городской стене, они должны были бы легко разогнать несколько повстанцев, верно? Прошло всего несколько дней с тех пор, как Хуа Пинье услышал новости. Как Хуан Вансян перешел от руководства толпой до восседания на драконьем троне? В первый же день прибытия в город Цуйцю пришло такое жуткое известие, словно оно было рассчитано точно по времени.

— Сколько войск размещено в этом районе? — спросил Лян Шу.

— Тоже 50 000, — ответил Гао Лин. — Командует Лу Сян. Ваше Высочество должно помнить, что он племянник лу-дареня.

Все гражданские и военные чиновники династии знали, что лу-дарень время от времени приходил к императору, чтобы увещевать князя. От Северо-Западного военного лагеря до дворца Сяо Вана — любые незначительные проблемы выскивались и описывались в 18 000 слов критики. Даже сам Сын Неба испытывал сильную головную боль. Кроме того, из-за статуса другого как старшего трех династий, было нелегко возражать ему в лицо, чтобы однажды действительно не столкнуться с ним в зале и не получить дополнительное обвинение в «разгневании верного министра» из ничего. Коренная причина диалога Лян Шу о старых, белобородых мужчинах в значительной степени происходила отсюда.

Лидеры гарнизонов в различных частях Даяня были либо из Северо-Западного военного лагеря, либо из Северо-Восточного военного лагеря, за исключением Лу Сяна. Он родился в знатной семье и два года служил в Императорской гвардии. Позже, из-за нестабильности в мире, в гарнизонах повсюду не хватало солдат, и покойный император подал пример, сократив группу приближенных вокруг себя. Именно тогда Лу Сян отправился работать в местное правительство.

Короче говоря, он был богатым молодым господином, который никогда не страдал слишком сильно.

— Лу-дарень честен и бережлив при дворе, но его племянник умеет проглатывать крупные суммы военных расходов за его пределами, — Гао Лин снова прочитал военное сообщение. В конце говорилось, что командующий Лу повел свои войска в город Саньшуй ночью, чтобы окружить и подавить их, плюс много бессмыслицы о «рассматривании смерти как возвращения домой». Неясно, одумался ли он после восхождения Хуан Вансяна на трон или потому, что услышал новости о прибытии Его Высочества Сяо Вана, но он выполнял свой долг всю ночь.

Лян Шу не возражал против того, чтобы этот мусор вернулся на родину, но за Лу Сяном все еще стояло 50 000 солдат Даяня.

— Приготовьте лошадей, — сказал он.

Лю Сяньань встал:

— Я тоже поеду с князем.

<http://bllate.org/book/14628/1297879>